

Ветер в ивах

Автор:

[Кеннет Грэм](#)

Ветер в ивах

Кеннет Грэм

Любимые книги с крупными буквами

Повесть «Ветер в ивах» была написана шотландским писателем Кеннетом Грэмом в начале XX века и быстро стала известной. Спустя пятьдесят лет после первой публикации произведение, уже ставшее классикой мировой детской литературы, получило международную премию «Полка Льюиса Кэрролла» – она присуждалась книгам, достойным стоять рядом с «Алисой в Стране чудес». За прошедшее столетие книга вдохновила многих режиссеров на создание театральных и телевизионных постановок, а также мультфильмов.

Совершенно по-особенному мир «Ветра в ивах» представил и изобразил Дэвид Петерсен, американский художник и обладатель престижных наград: Премий Айснера и Премий Харви. Атмосферные иллюстрации Петерсена прекрасно дополняют сказочный сюжет повести своей убедительной детальностью, а образам героев книги придают еще большее обаяние.

В этой книге представлен полный перевод без сокращений.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Кеннет Грэм

Ветер в ивах

Kenneth Grahame

The Wind in the Willows

With illustrations by David Petersen © 2018 Idea and Design

Works, LLC.

Published in the U.S. by IDW Publishing, a division of Idea and

Design Work, LLC. For the Russian edition:

© 2018 Eksmo Publishing. All rights Reserved.

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Перевод с английского Наталии Виноградовой

* * *

Глава 1

Речной берег

Всё утро Крот усердно занимался весенней уборкой своего небольшого жилища. Сначала орудовал щёткой, затем в ход пошли тряпки, и, наконец, взобравшись на стремянку с кисточкой и ведёрком побелки в лапах, Крот принялся белить потолок. Скоро в горле у него запершило, глаза стали слезиться от пыли, чёрная шубка оказалась заляпанной побелкой, а спина и лапки заныли. А наверху в

воздухе разливалась весна, и её божественный аромат всё настойчивее проникал под землю, в его глубокую и тёмную норку, вызывая неясное беспокойство и тоску. Поэтому нет ничего удивительного в том, что внезапно с криками: «Надоело!», «Довольно!», «Пропади эта уборка пропадом!» Крот устремился прочь из дому, второпях даже не надев пальто.

Словно услышав настойчивый зов откуда-то сверху, он ринулся в узкий крутой тоннель, заменявший ему посыпанные гравием подъездные дорожки к домам зверушек, обитавших ближе к солнцу и открытому воздуху.

Он карабкался, скрёбся, пропихивался, затем опять карабкался, скрёбся и пропихивался, неистово работая маленькими лапками и повторяя про себя: «Наверх, вверх!» И вот наконец его мордочка высунулась на свет божий, а затем и весь он оказался в тёплой траве на большом заливном лугу.

«Как здорово! – радостно подумал Крот. – Уж куда лучше, чем белить потолок!»

Его шёрстка нагрелась под лучами солнца, разгорячённый лоб ласкал прохладный ветерок, а в уши, привыкшие к тишине подземного дома, врывались ликующие птичьи трели.

От переполнявшего всё его существо радостного ощущения жизни и праздника весны, для которого вовсе не требовалась никакая уборка, Крот вскочил на все четыре лапы и двинулся через луг к дальней изгороди.

– Стой! – раздался чей-то голос из канавы. – Шесть пенсов[1 - Английская монета. – Здесь и далее прим. ред.] за проход по частной дороге!

Присмотревшись, Крот увидел старого кролика, но не счёл нужным реагировать и, презрительно фыркнув, затопал вдоль изгороди, посмеиваясь над другими кроликами, которые торопливо выбирались из своих норок посмотреть, что там за шум.

– Кролик в луковом соусе! В луковом соусе! – тем временем вспомнил Крот и поспешил скрыться до того, как кролики придумают достойный ответ.

Те же, как водится, принялись браниться между собой:

– Какой ты тупой! Почему не сказал ему...

– А ты что молчал?

– Мог бы напомнить ему...

Красота пробуждающей природы казалась нереальной.

Крот с наслаждением бегал по лугам, прохаживался вдоль живых изгородей, продираясь сквозь молодую поросль, наблюдая, как всюду кипит жизнь, счастливая, молодая, энергичная: строили гнёзда птицы, у цветов набухали бутоны, распускались первые листочки.

Вместо уколов совести, которая вполне могла бы шёпотом напомнить ему про побелку, Крот лишь испытывал счастье, оттого что мог празднично шататься, когда вокруг кипит работа. В конце концов, нет ничего приятнее, чем наблюдать, как работают другие.

И совсем уже блаженство Крот почувствовал, когда, шагая куда глаза глядят, внезапно оказался на берегу полноводной реки. Никогда в жизни он не видел реку – это гладкое извивающееся сильное животное, которое бежало себе вперёд, усмехаясь, с бульканьем хватая предметы и потом со смехом отпуская, чтобы найти новые игрушки, уже было освободившиеся, но пойманные рекой опять. Всё в ней трепетало и колыхалось, искрилось и переливалось, кружилось и перекачивалось, журчало и булькало. Река восхитила, очаровала и, кажется, даже околдовала Крота. Он семенил по берегу, едва поспевая за течением, словно маленький ребёнок, которого взрослый ведёт за руку и одновременно рассказывает увлекательную сказку, пока наконец не устал и не уселся

передохнуть. А река побежала дальше, ни на минуту не умолкая, с журчанием унося свои лучшие истории из недр земли в ненасытное море.

Сидя на травке и глядя на воду, Крот заметил тёмное отверстие на противоположном берегу над самой водой и принялся мечтать, как здорово было бы здесь поселиться: ни шума, ни пыли. Пока он так размышлял, в норе что-то сверкнуло, исчезло, затем вновь сверкнуло, словно зажглась крохотная звёздочка. Однако, принимая во внимание необычную ситуацию, это вряд ли была звезда, а для светлячка сверкнуло слишком уж ярко. Крот взглянул ещё раз, и звёздочка подмигнула ему, оказавшись чьим-то глазом, который, словно картину рама, постепенно стала обрамлять маленькая мордочка, коричневая, с усами. Показались и аккуратные небольшие ушки, а затем и туловище, покрытое блестящей шкуркой.

Речной Крыс!

Оба зверька, стоя некоторое время неподвижно, внимательно изучали друг друга.

– Привет, Крот! – воскликнул Речной Крыс.

– Здорово, Крыс! – ответил Крот.

– Может, переберёшься сюда? – после некоторой паузы предложил Крыс.

– Легко! – проворчал Крот.

Впервые оказавшись у реки, он понятия не имел, как местные обитатели переправляются с берега на берег.

Крыс тем временем нагнулся, отвязал канат, который удерживал маленькую лодку, и легко прыгнул. Голубая снаружи и белая внутри, лодка словно идеально подходила для двух зверьков и очень понравилась Кроту, хотя он и не сразу понял её назначение.

Ловко работая вёслами, Крыс быстро пересёк реку, а когда Крот осторожно спустился к воде, протянул ему лапку.

Оказавшись на корме самой настоящей лодки, Крот с восторгом воскликнул:

– Какой замечательный день! Я ведь первый раз в жизни плыву на лодке.

– Неужели? – Крыс даже рот открыл от изумления. – Первый раз в жизни?! Ну, знаешь! Да как же ты жил до сих пор?

– Наверное, это очень здорово, – робко заметил Крот, хотя сам уже не сомневался, что это именно так, откинувшись на подушки и рассматривая вёсла, уключины и прочие удивительные приспособления под лёгкое покачивание лодки.

– Здорово? Да лодка вообще единственная стоящая вещь! – заявил Крыс, ухватившись за вёсла. – Знай же, мой юный друг, что нет ничего, совсем ничего, что может сравниться с удовольствием просто покопаться в лодке, просто покопаться...

– Осторожно, Крыс! – вдруг закричал Крот.

Но было уже поздно: на полном ходу лодка врезалась в берег, и через мгновение размечтавшийся было весёлый гребец уже болтал в воздухе задними лапками, плюхнувшись на дно судёнышка.

– ...в лодке или с лодкой, – рассмеялся Крыс, поднимаясь, – в ней или около неё – неважно. Вся прелесть в том и состоит, что совершенно неважно, отплываешь ты или остаёшься, доберёшься ли туда, куда хотел, а может, совсем в другое место или вообще никуда; ты всегда занят, но ничем конкретно, и когда что-то сделал, у тебя ещё остаются дела, которые ты можешь при желании сделать, но лучше не надо. Послушай! Если тебе нечего делать сегодня утром, давай вместе поплывём вниз по реке и насладимся жизнью.

Крот радостно всплеснул лапками, удовлетворённо вздохнул и, блаженно откинувшись на подушки, воскликнул:

- Как мне повезло сегодня! Поплыли!

- Одну минуту!

Привязав лодку к кольцу на причале, Крыс забрался в свою нору и вскоре вылез оттуда, пошатываясь под тяжестью плотно набитой корзинки с провизией.

Передавая её Кроту, Крыс попросил:

- Поставь её вниз, в лапы.

Затем он отвязал лодку и вновь взялся за вёсла.

- А что там, внутри? - поинтересовался Крот, сгорая от любопытства.

- Внутри холодный цыплёнок, холодный язык, холодная ветчина, холодная говядина, - затараторил Крыс, - огуречный салат, мясные рулеты, сэндвичи с кресс-салатом, мясные консервы, имбирный лимонад, газировка...

- Хватит, хватит, - заволновался Крот. - Куда нам столько!

- Ты так думаешь? - удивился Крыс. - Это всего лишь то, что я обычно беру с собой на небольшие прогулки по окрестностям, а здешние обитатели считают меня настоящим скрягой!

Но Крот уже не слышал его. Захваченный новыми ощущениями, вступая в новую жизнь, опьянённый бликами на воде, запахами, звуками и солнечным светом, он опустил лапу в воду и словно грезил наяву. Как и подобает настоящему другу, Крыс взял всю работу в свои лапы и не беспокоил Крота.

- Мне очень нравится твой костюм, старина, - заметил Крыс по прошествии получаса. - Придёт время, и я тоже смогу позволить себе чёрный бархатный смокинг.

– Извини. – Крот с трудом вернулся из мира грёз к действительности. – Я, должно быть, кажусь тебе невежей, но для меня это всё так ново. Вот она какая – речка!

– Не речка, а река, – поправил его Крыс.

– Как, наверное, это здорово – жить у реки!

– У реки, с рекой, на реке и в реке, – заметил Крыс. – Она и брат мне, и сестра, и остальные родственники и друзья. Она и еда, и питьё, и, разумеется, вода для бытовых нужд. Она для меня целый мир, и другого не нужно. Если в ней чего-то нет, то это и не нужно, и если чего-то она не знает, то и мне необязательно. Нам есть что вспомнить! Зимой и летом, весной и осенью у неё свои забавы и развлечения. Вот в марте, например, когда случается половодье и вода заливают мои кладовки и подвал, за окном моей любимой спальни плещется бурая вода, а когда она отступает, то остаются комья ила, пахнущего как сливовый кекс, ветви и камыш засоряют притоки, и я могу ходить по её дну, почти не замочив лап, и находить не только еду, но и всякие вещицы, которые падают с лодок беспечных людей!

– А тебе никогда не бывает скучно? – робко поинтересовался Крот. – Только ты и река, и не с кем даже словом перекинуться.

– Не с кем... тебе это трудно понять, – снисходительно произнёс Крыс. – Тебе это всё в диковину. Здесь на берегу теперь полным-полно народу, и многие даже уходят отсюда. Совсем не то, что раньше. Выдры, зимородки, утки, куропатки целыми днями всё хлопчут, всё чего-то от меня хотят, будто без них дел мало!

– А что там? – спросил Крот, махнув лапкой в сторону леса, тёмной стеной обступившего заливные луга на берегу.

– Там? О, это Дикий лес, – лаконично ответил Крыс. – Мы, речные жители, туда редко заглядываем.

– Тамошний народец, наверное, не слишком приветлив? – боязливо заметил Крот.

– Да как сказать... С белками вполне можно иметь дело, а кролики... среди них всякие встречаются. Ну и Барсук, разумеется. Он живёт в самой чаще и никуда оттуда не выходит, хоть ты его озолоти. В его дела никто не вмешивается: себе дороже. – Крыс многозначительно помолчал, и Крот удивился:

– Неужели кто-то не прочь был бы вмешаться?

– Есть тут некоторые, – неохотно ответил Крыс. – Ласки, горностаи, лисицы там... да мало ли кто. Я-то против них ничего не имею: в хороших отношениях, здороваемся при встрече, и всё такое, – однако, по правде говоря, никогда не знаешь, чего от них ждать. Что есть, то есть, чего уж тут скрывать.

Крот прекрасно знал, что среди зверей не принято обсуждать возможные неприятности, и поспешил сменить тему:

– А что там, за Диким лесом? Какая-то голубая дымка: то ли холмы, то ли город, то ли всего-навсего плывущие облака?

– А за Диким лесом лежит Широкий мир, – ответил Крыс, – но к нам он не имеет никакого отношения. Я там никогда не был и не буду, так же как и ты, если у тебя есть хоть капля здравого смысла. Пожалуйста, давай больше не будем об этом, тем более что мы уже в заводи. Здесь и перекусим.

Прибрежная заводь, куда Крыс направил лодку, выглядела как маленькое озерцо. Там к реке спускался пологий травянистый берег, сквозь зеркальную гладь воды проглядывали похожие на змей коричневые корни деревьев, а впереди виднелся серебристо-пенный каскад плотины, мельница с остроконечной крышей и мельничное колесо, наполнявшее воздух умиротворяющим монотонным гулом, в который изредка вплетались чьи-то весёлые голоса. Это было так красиво, что от избытка чувств Крот всплеснул передними лапками и воскликнул:

– О боже, боже!

Крыс причалил к берегу, привязал лодку, помог ещё не освоившемуся с водной стихией Кроту сойти на сушу и вытащил корзинку с провизией. В знак благодарности Крот вызвался всё распаковать. Крыс с радостью согласился и растянулся на траве, пока его взволнованный друг встряхивал и расстилал скатерть, доставал загадочные пакетики и выкладывал их содержимое в нужном порядке, не уставая повторять «О боже, боже!» при появлении каждого нового продукта. Когда все было готово, Крыс на правах хозяина скомандовал:

– Давай, старина, налегай!

Ему не пришлось повторять дважды: как и положено, Крот начал весеннюю уборку своего жилища с утра пораньше и с тех пор не брал в рот ни крошки, а времени уже прошло достаточно.

– Что ты там высматриваешь? – поинтересовался Крыс, когда они утолили первый голод и Крот смог оторвать глаза от скатерти с едой.

– Я смотрю на вон ту дорожку из пузырьков, которая движется по поверхности воды. По-моему, очень забавно.

– Пузырьки? Ого-го! – воскликнул весело Крыс и запищал, словно приглашая кого-то.

Над кромкой берега показалась широкая блестящая мордочка, а потом вылез из воды и отряхнулся и её обладатель.

– Ну и жадюги! – воскликнул гость, оглядев остатки трапезы. – Что же ты меня не пригласил, Крыс?

– Да мы как-то неожиданно собрались. Кстати, знакомьтесь: мой друг, мистер Крот.

– Очень приятно, – сказал гость. – Выдр.

Оба зверька сразу почувствовали взаимную симпатию.

– Не река, а сумасшедший дом! Все будто сговорились сегодня вылезти из своих нор. Хотел немного покоя и тишины и забрался в эту заводь, а тут вы! Ой, простите, я не то хотел сказать, вы же понимаете...

Позади них, из-за живой изгороди, покрытой толстым слоем прошлогодних листьев, послышался шорох, а затем показалась полосатая голова и уставилась на них.

– Пожалуй к нам, старина Барсук! – крикнул Крыс.

Барсук сделал было пару шагов по направлению к ним, но затем, фыркнув, развернулся и скрылся из вида.

– Вот такой он, – разочарованно произнёс Крыс. – Совершенно не выносит общество! Ну, расскажи-ка нам, друг Выдр, кто сегодня на реке.

– Например, Жаб в гоночной лодке последней модели и новом купальном костюме. Такой весь из себя франт!

Зверьки переглянулись и расхохотались.

– Раньше он признавал только парус, – пояснил Крыс, – потом ему это наскучило и он стал плавать на плоскодонке с шестом. Но и это увлекло его ненадолго: в прошлом году придумал плавучий домик. Мы все в этом шалаше перебивали: делали вид, что нам это очень нравится, а на самом деле спешили поскорее унести лапы. С ним всегда так: сначала увлекается, потом остывает и хватается за что-нибудь другое.

– В сущности, он неплохой парень, – задумчиво изрёк Выдр, – но очень уж непостоянный!

С того места, где они сидели, из-за небольшого островка открывался вид на реку, где внезапно появилась гоночная лодка с коренастым гребцом, который ожесточённо плюхал по воде вёслами, то глубоко их утапливая, то поднимая тучи брызг. Крыс вскочил и окликнул его, но Жаб (а это был, конечно же, он) замотал головой и ещё яростнее заработал вёслами.

– Так машет вёслами, что того и гляди из лодки вылетит, – заметил Крыс усаживаясь.

– Ясно, вылетит, – усмехнулся Выдр. – Кстати, я не рассказывал занятную историю о Жабе и начальнике шлюза? Дело было так...

Как было дело, компания не услышала: в этот момент над водой, опьянённая весенним воздухом, пролетела муха. Тотчас раздался всплеск воды, и оба исчезли: и муха, и Выдр.

Крот глазам своим не поверил. Голос Выдра всё ещё звучал у него в ушах, но место на траве, где он только что возлежал, пустовало, а на поверхности воды тянулся след из пузырьков воздуха.

Крыс замурлыкал что-то себе под нос, и Крот вспомнил, что у зверей не принято ничему удивляться: подумаешь, кто-то исчез...

Крыс тем временем, погладив себя по плотно набитому брюшку, сказал:

– Что ж, думаю, нам тоже пора отправляться в путь. Как считаешь, у кого из нас лучше получится упаковать корзинку?

Поскольку особого энтузиазма заняться этим он не проявил, Крот попросил:

– Пожалуйста, позволь мне.

Крыс, разумеется, позволил.

Распаковывать корзинку было гораздо приятнее, чем собирать грязную посуду и остатки трапезы, однако Крот, настроенный только на положительные эмоции,

смело принялся за дело. Уже упаковав и крепко перевязав корзинку, он обнаружил в траве ну просто тарасившуюся на него тарелку. Пришлось снова всё развязывать, а когда и она была упакована, Крыс указал на вилку, лежавшую на самом виду. Когда и вилка отправилась в корзинку и все ремешки были затянуты, оказалось (вот ведь незадача!), что он сидит на горчицице. И всё же Кроту наконец удалось справиться с этой задачей.

Полуденное солнце клонилось к горизонту, а Крыс задумчиво грёб к дому, что-то бормоча себе под нос. Крот же, довольный сытным обедом и собой, вполне (как ему казалось) обжившись в лодке, решил попробовать свои силы и попросил:

- Пожалуйста, дай мне погрести!

Крыс усмехнулся и покачал головой:

- Не сейчас, мой юный друг. Сначала нужно немного поучиться – это не так просто, как кажется.

Крот вроде бы успокоился, но Крыс так ловко и легко орудовал вёслами, что и ему хотелось поработать. Гордость к тому же нашёптывала, что он справится с этим ничуть не хуже друга. И он схватил вёсла так неожиданно, что Крыс, пребывавший в лирическом настроении и задумчиво смотревший на воду, свалился на дно лодки, дрыгая в воздухе лапками. Крот же победоносно занял его место и с уверенным видом принялся грести.

- Да стой же ты, болван! – закричал Крыс со дна лодки. – Ты не умеешь! Мы перевернёмся!

Размахнувшись, Крот залихватски завёл вёсла назад и хотел было опустить в воду, но промахнулся: вёсла пронеслись над поверхностью воды, лапы гребца взлетели выше головы, и он свалился на беспомощного Крыса.

В ужасе схватился Крот за борт, и в следующую секунду – плюх! – лодка перевернулась и он очутился в реке.

Какой же холодной и мокрой оказалась вода, как шумело в ушах, когда он опускался всё глубже и глубже ко дну, и как ярко и приветливо светило солнце,

когда ему удавалось, отфыркиваясь, всплыть наверх.

В отчаянии Крот почувствовал, что снова идёт ко дну, когда внезапно чья-то сильная лапа схватила его за загривок. Это был, конечно же, Крыс. Крот понял, что друг буквально сотрясается от хохота, – почувствовал это через его плечо, лапу и собственную шею.

Крыс подсунул весла под лапы Крота и поплыл сзади, толкая беспомощного зверька к берегу, а затем вытащил из воды и усадил на траву. Друг теперь напоминал пропитанный водой, съёжившийся комок.

Проведя лапами по его шёрстке, отжав её немного таким образом, Крыс сказал:

– Ладно, старина! Побегай по берегу, пока не согреешься и не обсохнешь, а я нырну за корзинкой с провизией.

Подавленный и пристыженный, Крот трусил вдоль берега, пока Крыс снова и снова нырял в реку, переворачивал и привязывал лодку, ловил в воде вещи, доставал со дна корзинку, а потом пытался забраться с ней на берег.

Когда всё было готово для того, чтобы продолжать путь, Крот, кроткий и грустный, уселся на корме и, как только они отплыли, тихо и с чувством произнёс:

– Мой великодушный друг Крыс! Мне очень стыдно за свой глупый поступок. У меня просто сердце разрывается при мысли, что из-за меня ты мог бы лишиться этой восхитительной корзинки. Сможешь ли ты простить меня?

– Да, всё в порядке! – весело ответил Крыс. – Ведь вода – моя стихия: там я провожу больше времени, чем на суше. Не бери в голову!

И кстати, почему бы тебе не погостить у меня немного? Обстановка у меня, конечно, поскромнее, чем у Жаба, ну да ничего. А я научу тебя грести и плавать,

и скоро ты будешь чувствовать себя в воде не хуже всех нас.

Крота так тронула доброта Крыса, что горло сдавило от волнения и он смахнул слезинку тыльной стороной лапки. Крыс тактично отвернулся, и постепенно к Кроту вернулось бодрое расположение духа, так что он смог достойно ответить двум куропаткам, осмелившимся было хихикать над его непрезентабельным видом.

Когда они пришли домой, Крыс развёл в комнате огонь, усадил Крота в кресло, принёс ему халат и шлёпанцы и до самого ужина развлекал всяческими речными историями, которые показались гостю очень увлекательными и необычными. Крыс описывал плотины, наводнения, выскакивающих из воды щук и пароходы, а также гордых цапель, которые ещё не со всяким будут разговаривать. Рассказал он Кроту и про приключения в дренажных канавах, и про ночные рыбалки с Выдром, и про дальние вылазки с Барсуком. Ужин прошёл очень весело, но вскоре гостеприимный хозяин был вынужден проводить сонного Крота на второй этаж, в самую лучшую спальню, где тот, довольный и умиротворённый, уснул, едва коснувшись головой подушки.

Этот день стал для Крота первым из целой череды таких же увлекательных, интересных и познавательных. По мере того как лето близилось к своему пику, он научился плавать, грести и наслаждаться струящейся водой, а порой даже мог услышать и понять, о чём шептался с тростником ветер.

Глава 2

Широкая дорога

Одним солнечным летним утром Крот неожиданно обратился к другу:

– Крыс, хочу попросить тебя об одолжении.

Крыс сидел на берегу и, напевая песенку, которую сам только что сочинил, так увлёкся, что не замечал никого и ничего вокруг. С раннего утра он купался в реке вместе со своими приятельницами утками. Стоило им внезапно нырнуть – как обычно, вниз головой и вверх хвостом, – Крыс тут же нырял следом и принимался их под водой щекотать там, где мог бы быть подбородок, до тех пор пока они не выныривали торопливо на поверхность, сердито отряхивая перья. В конце концов они упростили приятеля оставить их в покое и заняться собственными делами.

Вот Крыс и уселся на солнышке сочинять. Через некоторое время появилась эта песенка под названием «Утиная припевка»:

В тихой-тихой заводи

Камыши густы.

Там утята плещутся,

Над водой хвосты.

Разгляди, чьи хвостики:

Селезней, утят?

Под водою носики —

Кушать все хотят.

В тине пропитание

Трудно отыскать.

Нужно тут старание —

Червяков поймать.

Все мы делом заняты,

Холодна вода.

Хочется позавтракать —

Доставай до дна.

Где вода, где небо —

Ты спроси утят.

Где бы они ни были —

Хвостики торчат.

– Не сказал бы, что твоя песенка поэтический шедевр, – осторожно заметил Крот. – Хотя, возможно, я просто не в состоянии её оценить в силу полнейшего отсутствия таланта.

– Да нет: утки тоже не оценили, – отозвался неунывающий Крыс. – Они заявили мне: «Почему бы не позволить другим делать то, что им хочется, когда хочется и как хочется, вместо того чтобы глазеть с берега, отпускать замечания, сочинять стихи и прочую ерунду. Как же это всё глупо!»

– Так и есть, так и есть! – с жаром согласился Крот.

– Нет, не так! – возмутился Крыс.

– Ну не так – значит, не так, – предпочёл не спорить Крот. – Я вот о чём хотел тебя попросить. Не мог бы ты сводить меня в гости к мистеру Жабу? Я столько о нём слышал, а вот познакомиться не довелось.

– Почему бы нет! – тотчас забыв про поэзию и вскочив на лапы, обрадовался Крыс. – Выводи лодку, и отправимся. Для визитов к Жабу любое время годится: хоть днём, хоть ночью – он всегда гостям рад, всегда в хорошем настроении, а когда они уходят, даже расстраивается.

– Должно быть, он очень славный, – заметил Крот, забравшись в лодку и взявшись за вёсла, в то время как Крыс удобно устроился на корме.

– Да, ты прав: милейшее существо, – простой, добродушный и такой чувствительный. Может, не очень умён, но не всем же, в конце концов, быть гениями, а то, что немного хвастлив и самодоволен... Что ж, у нашего Жабчика имеется и много хороших качеств.

Миновав излучину реки, они увидели величественный старинный дом из красного кирпича, окружённый аккуратными газонами, которые спускались к самой воде.

– Это Жаб-холл, – объявил Крыс, – а вон тот ручей – с табличкой «Частное владение. Высаживаться на берег запрещено» – ведёт к лодочному сараю, где мы и оставим нашу лодку. Справа – конюшни. Прямо, куда ты смотришь, банкетный зал. Жаб очень богат, и его дом один из самых красивых в этих местах, хотя мы ему об этом никогда не говорим.

Они направились вверх по ручью, а когда вошли под навес большого лодочного сарая, Крот сложил вёсла. Внутри друзья увидели множество красивых лодок, подвешенных на поперечных балках или сложенных на стапеле[2 - Наклонная платформа, предназначенная для ремонта и спуска судов на воду.], но ни одной на воде. Сарай выглядел заброшенным.

Крыс огляделся и заметил:

– Понятно. Видимо, Жаб в лодки наигрался: надоели – вот он их и забросил. Интересно, чем он увлётся теперь. Пойдём поищем хозяина – от него самого обо всём и узнаем.

Высадившись на берег, друзья побрели по пёстрой, в цветах, лужайке и вскоре увидели мастера Жаба, сидевшего в плетёном садовом кресле и с озабоченным выражением на мордочке изучавшего большую карту, расстеленную на коленях.

– Ура! Вы пришли сами. Как здорово! – обрадовался хозяин гостям и, вскочив с кресла, пожал обоим лапы, не дожидаясь, пока ему представят Крота.

Пританцовывая вокруг них и не давая вставить ни словечка, Жаб тараторил:

– Как это любезно с вашей стороны. Я как раз собирался послать лодку, чтобы тебя, Крыс, немедленно доставили сюда, чем бы ты ни занимался. Ты мне очень нужен. Вы оба мне нужны. Заходите и угощайтесь! Вы даже не представляете, как это здорово, что вы появились именно сейчас!

– Давай присядем на минутку, Жабчик, – взмолился Крыс, усаживаясь в удобное кресло, пока Крот располагался в таком же напротив него, в светской манере восхищаясь «роскошной резиденцией» Жаба.

– Лучший дом на всей реке! – хвастливо воскликнул Жаб и тут же добавил, не удержавшись: – И не только, честно говоря.

Крыс, кивнув в его сторону, чуть толкнул Крота локтем: мол, что я говорил, – но Жаб всё же заметил это и густо покраснел. Повисло неловкое молчание, потом, рассмеявшись, хозяин заметил:

– Ладно, Крыс, извини. Ты же меня знаешь. А дом ведь и правда неплох, да и тебе тоже нравится. Но не в этом суть. Именно вы мне и нужны. Вы должны мне помочь. Это очень важно!

– Ты, наверное, о гребле, – с невинным видом осведомился Крыс. – В ней ты, конечно, здорово преуспел, но всё ещё поднимаешь много брызг. Если запасёшься терпением и будешь тренироваться, то сможешь...

– Да ну её, эту греблю! – нетерпеливо перебил его Жаб. – Глупая детская забава. Я давно это бросил: пустая трата времени, и только. Мне жалко смотреть на то, как вы, неглупые ребята, бесцельно тратите свои силы. Нет, я нашёл настоящее дело – единственное стоящее дело за всю жизнь. Ему и хочу посвятить все дальнейшие годы, а о тех, что растрочены впустую, могу только сожалеть. Пойдёмте со мной на конюшню, и там всё увидите своими глазами!

Жаб двинулся к конюшенному двору, Крыс неохотно поплёлся сзади, а за ним и Крот. Там, рядом с каретным сараем, их взору предстала новенькая, до блеска покрашенная в канареечно-жёлтый и зелёный цвета цыганская кибитка на красных колёсах.

– Вот смотрите! – воскликнул Жаб и остановился, широко расставив задние лапы и выпятив грудь. – Это маленькое чудо олицетворяет настоящую жизнь. Все пути открыты: шоссе, пыльные большаки, пустоши, поля, перелески и холмы, – а ещё ночёвки под открытым небом, деревни и города. Сегодня здесь – завтра там: путешествия, смена мест, новые впечатления, приключения. Перед вами весь мир и вечно меняющийся пейзаж. И обратите внимание: это лучшая в своём роде повозка из всех, что когда-либо были построены. Полезайте внутрь и убедитесь. Всё планировал сам, только сам!

Заинтригованный и взволнованный, Крот живо поднялся по ступеням в кибитку вслед за Жабом. Крыс же только усмехнулся и, засунув лапы поглубже в карманы, не двинулся с места.

Внутри кибитки всё действительно было хорошо продумано и удобно устроено: маленькие койки, откидной столик, плита, шкафчики, книжные полки, клетка с птичкой внутри, а также кастрюльки, сковороды, кувшины и чайники всех сортов и размеров.

– Всего полным-полно! – гордо заявил Жаб, открывая шкафчик. – Смотри: печенье, консервированные омары, сардины – всё, что душе угодно. Здесь – газировка, тут – посуда, там – писчая бумага, ветчина, джем, карты и домино. Вот видишь: всё учтено, ничего не забыто, – так что сегодня днём мы уже можем отправляться в путь.

– Прошу прощения, – медленно переспросил Крыс, жуя соломинку, когда Жаб и Крот спустились по ступенькам. – Мне послышалось или ты действительно сказал «мы», «отправляться» и «сегодня днём»?

– Ну, мой дорогой старина Крыс, – с мольбой произнёс Жаб, – пожалуйста, не надо говорить так холодно и высокомерно, потому что сам знаешь: тебе придётся ехать. Мне без тебя никак не обойтись. Пожалуйста, считай это делом решённым и не спорь – я этого не выношу. Ты же наверняка не хочешь всю жизнь проторчать на этой скучной вонючей старой речке! А вместе мы увидим

мир! Я сделаю из тебя настоящего зверя, приятель!

– Ну и пусть проторчу! – упрямо изрёк Крыс. – Я никуда не еду, и точка. Да, я собираюсь жить на этой старой реке, как и раньше. Кроме того, со мной останется мой друг. Правда ведь, Крот?

– Конечно... – согласился преданный Крот, хотя и не очень уверенно. – Я останусь с тобой, Крыс, и всё будет так, как ты сказал... Но мне всё-таки кажется, что это было бы... ну, довольно забавно.

Бедный Крот! Он никогда в жизни не участвовал ни в каких авантюрах, и дух приключений манил его, не говоря уже о том, что он не мог оторвать взгляд от канареечной кибитки со всем её содержимым.

Поняв, что происходит в душе друга, Крыс засомневался, поскольку очень не любил кого-то разочаровывать, тем более друзей. А Крота он считал своим другом и был готов сделать для него всё, что угодно.

Жаб, внимательно наблюдавший за гостями, дипломатично предложил:

– Пойдёмте позавтракаем, а заодно всё обсудим. Не нужно ничего решать в спешке. Разумеется, всё это не столь важно: мне просто хотелось доставить вам удовольствие, ребята. Ведь так приятно, когда можешь кого-то порадовать!

Во время завтрака, который, как и всегда в Жаб-холле, был на высшем уровне, хозяин дал волю красноречию. Не обращая внимания на многозначительные взгляды и вздохи Крыса, он играл на чувствах наивного Крота как на арфе. Владея даром убеждения и обладая богатым воображением, он так живо расписывал прелести кочевой жизни, что Крот едва мог усидеть на месте от возбуждения. Как-то само собой все трое стали считать путешествие делом решённым, и добродушный Крыс ради друга отбросил все сомнения, потому что не мог разочаровать друзей, которые уже распланировали каждый день предстоящих нескольких недель путешествия.

Когда все трое пришли наконец к согласию, Жаб, ликуя, повёл друзей в конюшню за старым конём серой масти, которого хозяин, к крайнему его неудовольствию, выбрал для своей пыльной экспедиции. Коню явно больше по душе была конюшня, и он отчаянно сопротивлялся. Тем временем Жаб набивал

торбы всем необходимым, подвешивал сетки с луком, связки сена и корзинки. Наконец конь был запряжён, и друзья отправились в путь, радуясь солнечному дню и пребывая в прекрасном настроении. Клубы пыли, поднимавшиеся из-под копыт коня и колес кибитки, вовсе не раздражали, а, напротив, дразнили и возбуждали. Из тенистых садов по обе стороны дороги раздавался приветственный щебет и свист птиц. Встречные путники останавливались, чтобы похвалить их замечательную кибитку, а кролики, выскакивавшие из норок посмотреть, откуда раздаётся такой грохот и валят клубы пыли, складывали передние лапки и восклицали: «О боже, боже!»

Поздним вечером, усталые и счастливые, за многие мили от дома, на пустыре, путешественники расположились на ночлег. После того как распрягли и пустили пастись коня, они устроились на траве возле кибитки и принялись за нехитрый ужин. Жаб, как обычно, разглагольствовал, строя планы на ближайшие дни, пока не наступила ночь. А когда глаза у путников стали слипаться, они улеглись на маленькие койки в кибитке, и Жаб, вытянув лапы, изрёк:

– Спокойной ночи, ребята! Это ли не настоящая жизнь для джентльмена! А вы всё талдычите об этой надоевшей реке!

– Я ни слова не говорил о реке, – спокойно возразил Крыс. – И ты это знаешь. Но я думаю о ней, думаю всё время!

В его голосе было столько тоски, что Крот высунулся из-под одеяла, в темноте нащупал лапу Крыса и, пожав её, прошептал:

– Если хочешь, можем завтра с утра пораньше вернуться домой, на нашу любимую реку.

– Ты настоящий друг! – так же шёпотом ответил Крыс. – Спасибо тебе, но я нужен Жабу: его опасно оставлять одного. Как и все его причуды, эта продлится недолго. Спокойной ночи!

А закончилось всё даже быстрее, чем мог предполагать Крыс.

После всех волнений и дня, проведённого на свежем воздухе, Жаб спал как убитый, и утром, сколько друзья его ни трясли, разбудить так и не смогли. Кроту и Крысу ничего не оставалось, кроме как приняться за работу. Пока Крыс кормил и чистил коня, разжигал костёр, мыл оставшуюся с вечера посуду и готовил завтрак, Крот сходил в ближайшую деревню за молоком, яйцами и кое-какими необходимыми вещами, которые Жаб, разумеется, забыл захватить из дому. Переделав всю тяжёлую работу, утомившиеся зверьки расположились было перевести дух, но тут появился Жаб, свежий и весёлый, и принялся опять превозносить прелести походной жизни без бытовых забот.

В тот день они совершили чудесную прогулку по поросшим травой холмам, узким просёлочным дорогам, а вечером снова встали лагерем на пустыре, но теперь-то уж друзья проследили, чтобы и Жаб не уваливал от работы. В результате на следующее утро восторженности Жаба по поводу лёгкости жизни на природе поубавилась, а из постели его пришлось вытаскивать силой. Их путь по-прежнему лежал по узким просёлочным дорогам, и лишь к полудню, впервые за всё время путешествия, они выехали на большак. Тут-то их и настигло несчастье, столь внезапное и нежданное для путешественников и оказавшееся поистине роковым для дальнейшей жизни Жаба.

Кибитка весело катила по дороге, Крот выслушивал жалобы коня на то, что никто не обращает на него внимания и он предоставлен самому себе, а Жаб с Крысом беседовали, шагая сзади, то есть Жаб, как обычно, говорил, а Крыс вставлял через определённые промежутки времени «да, именно» или «а что ты ему ответил?», думая, впрочем, совсем о другом. Вдруг далеко позади раздалось слабое жужжание, словно их догонял пчелиный рой. Оглянувшись, друзья увидели приближающееся к ним с невероятной скоростью облако пыли с чем-то тёмным посередине. Из пыльного облака раздавался странный звук «бип-бип», словно повизгивал раненый зверёк. В недоумении переглянувшись, друзья возобновили было мирный разговор, но уже через мгновение (как им показалось) его прервали самым ужасным образом. Вихрь, в котором смешались ветер и звук, разом отбросил их в придорожную канаву. Оглушённые этим пронзительным «бип-бип», они едва успели заметить пронёсшееся мимо зеркальное стекло, дорогую кожаную обивку и сам роскошный автомобиль, такой огромный, что на долю секунды заслонил собой весь мир. Он поднял облако пыли, окутавшее и ослепившее друзей, а затем опять превратился в точку, удалявшуюся с пчелиным жужжанием.

Старый серый коняга, мерно шагавший по дороге в мечтах о тихом родном стойле, от всего случившегося вмиг превратился в дикого необузданного зверя. С рёвом он встал на дыбы, попятился назад и, несмотря на всё красноречие Крота, взывавшего к лошадиному разуму, подтолкнул кибитку к краю глубокой канавы на обочине дороги. Какое-то мгновение она балансировала на самом краю, а затем раздался оглушительный треск, и вот уже их гордость и краса канареечного цвета, разваливаясь, рухнула в канаву.

Крыс, вне себя от бешенства, прыгал посреди дороги и кричал, потрясая кулаками:

– Негодяи! Хулиганы! Разбойники с большой дороги! Лихачи! Я на вас в суд подам! Вот сообщу куда следует!..

Вся прежняя тоска по дому вмиг его покинула. В это мгновение он чувствовал себя капитаном канареечного судна, которое село на мель из-за чьей-то халатности, и лихорадочно вспоминал те слова, что обычно высказывал, когда речные пароходы подходили слишком близко к берегу и поднятые ими волны заливали ковёр в его гостиной.

Жаб сидел посреди дороги, вытянув лапы, не мигая смотрел туда, где исчез автомобиль, и, часто и судорожно вздыхая, с каким-то отрешённым выражением на мордочке время от времени повторял: «Бип-бип!»

Крот пытался успокоить коня, а когда в конце концов ему удалось это, подошёл к краю канавы взглянуть на кибитку. Зрелище предстало его глазам самое печальное. Стенки и окна разбиты, оси безнадёжно согнуты, одно колесо отскочило, банки с сардинами разметало по окрестностям, а птичка в клетке с жалобным писком просилась на волю.

Подошёл Крыс, и вместе с Кротом они попытались поднять повозку, но их усилий было явно недостаточно, и друзья принялись взывать к Жабу:

– Эй, ты собираешься нам помогать?

Поскольку ответа не последовало, а Жаб продолжал сидеть посреди дороги, они подошли посмотреть, что с ним такое. Увидев, что их друг радостно улыбается и, глядя куда-то вдаль, бормочет «бип-бип!», Крыс потряс его за плечо и сурово спросил:

– Ты нам помогать собираешься, Жаб?

– Великолепное, потрясающее зрелище! – восторженно прошептал тот, не двигаясь с места. – Поэзия движения! Только так и можно путешествовать! Только так и надо путешествовать. Сегодня – здесь, завтра – там! Деревни пролетают мимо, города проносятся, и всегда что-то новое на горизонте! О, блаженство! О, «бип-бип»! О боже, боже!

– Прекрати валять дурака, Жаб! – в отчаянии крикнул Крот.

– Подумать только, ведь я даже не знал! – продолжал Жаб словно заипнотизированный. – Все эти годы я прожил зря, потому что не знал, даже не догадывался! Но теперь-то знаю, я хорошо понимаю! Отныне мой путь ясен. Какие тучи пыли будут клубиться там, где я промчусь! Сколько кибиток отправлю в канавы на лету! Жалкие банальные канареечные кибитки...

– Что же нам с ним теперь делать? – всплеснул лапками Крот.

– Ничего, – ответил Крыс твёрдо. – С этим действительно ничего не поделаешь. Я его давно знаю. Сейчас он одержим новой идеей. Это у него всегда так начинается. Теперь он целыми днями будет ходить словно во сне, потерянный для обычной жизни. Не обращай внимания. Пойдём взглянем, что можно сделать с повозкой.

После тщательного осмотра они поняли, что даже если им и удастся поднять кибитку, ездить на ней всё равно нельзя: оси починить невозможно, да и одно из колёс разбилось вдребезги.

Крыс завязал поводья у коня на спине, одной лапой взялся за уздечку, а другой – за клетку с её беспокойной обитательницей, после чего мрачно обратился к Кроту:

– Пойдём пешком. До ближайшего города миль пять-шесть, так что чем быстрее отправимся в путь, тем лучше.

– А как же Жаб? – забеспокоился Крот, когда они собрались было идти. – Не можем же мы оставить его сидеть посреди дороги в таком состоянии. Это небезопасно. А вдруг ещё что-нибудь тут проедет?

– Да ну его, этого Жаба! – рассердился Крыс. – Чтоб я ещё с ним когда-нибудь связался!..

Друзья решили идти вдвоём, но уйти далеко не успели: сначала услышали позади топот, а потом увидели и приближавшегося Жаба.

Когда он догнал их и взял под лапы, продолжая, однако, учащённо дышать и бессмысленно тарачиться в пустоту, Крыс назидательно произнёс:

– Вот что я тебе скажу, Жаб: в городе пойдёшь прямиком в полицейский участок, узнаешь, известно ли там что-нибудь об этом автомобиле и его владельце, и подашь на него жалобу. Затем тебе придётся отыскать кузнеца или колёсного мастера, чтобы отремонтировал кибитку, но её ещё надо притащить, на что тоже потребуется время. А мы с Кротом пока пойдём поищем гостиницу и поселимся там.

– Полицейский участок! Жалоба! – словно во сне пробормотал Жаб. – Чтобы я пожаловался на это восхитительное, это божественное создание человеческого разума! Ремонтировать повозку! Да я с этим навсегда покончил. Не желаю ни видеть её, ни слышать о ней больше! О, Крыс! Ты даже не представляешь, как я благодарен вам обоим за то, что согласились отправиться путешествовать со мной. Я бы не поехал один, а значит, никогда не увидел бы этого лебедя, этот луч света, этот удар молнии, не услышал бы этот чарующий звук, не почувствовал колдовской запах! Всем этим я обязан вам, своим друзьям!

Крыс в отчаянии отвернулся от него и обратился к Кроту:

– Ну что я тебе говорил? Он безнадёжен, так что я умываю лапы. В городе найдём вокзал: если повезёт, сядем на поезд и уже сегодня вечером вернёмся на речной берег. И чтоб я ещё раз когда-нибудь с ним связался!

Весь остаток утомительного пути друзья не обращали внимания на Жаба, а добравшись до города, отправились напрямик на вокзал, оставив его в зале ожидания второго класса и предварительно сунув носильщику два пенса, чтобы не спускал с него глаз. Затем они поместили коня на постоянный двор и, как сумели, объяснили, где осталась их повозка и все вещи.

В конце концов пассажирский поезд доставил их на станцию неподалеку от Жаб-холла. Они проводили так и не пришедшего в себя, сонного Жаба до двери дома, толкнули внутрь и наказали домоправительнице накормить хозяина, раздеть и уложить спать. После этого друзья вывели из лодочного сарая свою лодку и направились вниз по течению к дому. Поздно ночью они уже ужинали в своей уютной маленькой гостиной у реки, к большой радости Крыса.

Следующим вечером Крот, который встал поздно и весь остаток дня предавался безделью, сидел с удочкой на берегу и вдруг увидел направлявшегося к нему Крыса.

– Слышал новость? – ещё издали спросил друг, который до этого что-то увлечённо обсуждал с другими речными обитателями. – Все только об этом и говорят. Сегодня рано утром Жаб отправился на поезде в город и заказал там очень большой и дорогой автомобиль.

Глава 3

Дикий лес

Крот давно мечтал познакомиться не только с Жабом, но и с Барсуком. По всему чувствовалось, что он важная персона и, несмотря на то что чурается общества, имеет большое влияние на жителей реки. Однако каждый раз, стоило Кроту

заикнуться Крысу о своём желании, как у того находилась какая-нибудь отговорка.

– Не беспокойся, – говорил обычно приятель, – Барсук ещё объявится, и тогда я тебя ему представлю. Он отличный парень, но принимать его надо таким, каков он есть, и знакомиться тогда, когда он сам пожелает.

– Может, пригласить его на обед или ещё что-нибудь придумать? – предложил Крот.

– Он не придёт, потому что терпеть не может всякие сборища.

– Тогда, может, нам самим отправиться к нему с визитом?

– А вот это ему уже точно придётся не по нраву! – заверил приятеля Крыс. – Он очень застенчивый и обидчивый: даже я никогда не захожу к нему домой, хотя знаком с ним давно. Кроме того, это невозможно, совершенно невозможно, потому что Барсук живёт в самой чаще Дикого леса.

– Ну и что, – гнул своё Крот. – Ты же сам говорил, что Дикий лес вовсе не страшен.

– Верно, говорил, – пошёл на попятную Крыс. – Но не идти же туда прямо сейчас. Давай как-нибудь потом. Это далеко, Барсука может не оказаться дома, да и, в конце концов, возможно, он сам уже направляется сюда, так что просто наберись терпения.

Кроту пришлось согласиться, однако Барсук так и не появился, а каждый день приносил свои радости. Однажды, когда от лета остались одни воспоминания, холод и слякоть загнали друзей в нору, а вспучившаяся от дождей река проносилась мимо окон с такой скоростью, что и подумать было страшно о том, чтобы плавать на лодке, Крот опять вернулся к мыслям об одиноком сером Барсуке, что живёт отшельником в чаще Дикого леса.

Зимой Крыс ложился рано и вставал поздно, а то короткое время, что не спал, сочинял стихи или занимался домашним хозяйством. Разумеется, к ним часто заглядывали другие зверушки, чтобы поболтать, рассказать что-нибудь

забавное, вспомнить радости прошедшего лета.

Сейчас, оглядываясь назад, лето можно было читать словно книгу с многочисленными и красочными иллюстрациями. На берегу реки разворачивался настоящий карнавал, участники которого по очереди сменяли друг друга. Шествие возглавлял пурпурный вербейник, потряхивая роскошными кудрями и вглядываясь в зеркало реки, откуда ему улыбалось собственное отражение. От вербейника не отставал иван-чай, нежный и задумчивый, словно розовое облако на закате. Окопник, поигрывая красно-белыми цветами, полз вперёд, чтобы занять своё место в процессии, и, наконец, однажды утром, когда на сцену робко вышел застенчивый шиповник, всем стало понятно, что наступил долгожданный июнь. Казалось, его приход возвестили величавыми аккордами струнные инструменты, перед тем как заиграть гавот[3 - Старинный французский танец, первоначально - народный хороводный.].

Но все ждали ещё какого-то героя: пастушка, который будет резвиться с нимфами; рыцаря, по которому вздыхают дамы, глядя в окно; принца, который поцелуем разбудит спящую принцессу по имени Лето. И лишь тогда, когда весёлая душистая таволга в янтарном наряде милостиво заняла своё место в общей группе, летнее представление началось.

Ах что это было за представление! Сонные зверьки, свернувшись в своих норках, вспоминали под стук ветра и шум дождя о тех предрассветных часах, когда белый туман низко стелился над водой, а они ныряли в воду и затем быстро бежали по берегу, а тем временем земля, воздух и вода преображались: внезапно их обнимало солнце, серое становилось золотым, и всё вокруг расцветало разными красками. Вспоминали они и сладкий сон в полуденный зной, когда в густую траву тонкими нитями проникало солнце, катание на лодке и купание, прогулки по пыльным тропинкам и золотистым полям и, наконец, долгие прохладные вечера, когда завязывались знакомства, возникала дружба, строились дерзкие планы на следующий день. И вот теперь, короткими зимними днями, зверушкам было что вспомнить, собравшись возле огонька.

Но Кроту всё же приходилось проводить довольно много времени в одиночестве, и вот однажды, когда Крыс попеременно то клевал носом у огня, то бормотал какие-то строчки, которые никак не желали рифмоваться, он решил в одиночку исследовать Дикий лес и, если повезёт, свести знакомство с Барсуком.

День, когда Крот выскользнул из тёплой гостиной на улицу, выдался хоть и холодным, но безветренным, а по стального цвета небу плыли тёплые облака. Все вокруг было голым, лишённые листьев деревья не радовали глаз, и Кроту пришло в голову, что никогда ещё прежде ему не доводилось видеть окрестности в их первозданности, как этим зимнем днём, когда природа в ежегодном сонном покое как будто сбросила с себя все одежды. Просеки, лощины, овраги и другие укромные места, которые летом, укрытые зеленью, так и манили исследовать их тайны, сейчас трогательно выставляли напоказ все свои секреты и словно просили не обращать внимания на их теперешнее жалкое состояние до тех пор, пока не смогут вновь облачиться в яркие маскарадные костюмы, чтобы дурачиться и водить всех за нос, как и прежде. Их было немного жаль, но к этой жалости примешивалась радость, даже веселье. Крот был счастлив осознать, что полюбил этот пейзаж неприукрашенным, суровым, лишённым пышного убранства. Ему не нужен был сейчас тёплый клевер и луговая трава, по которой пробегали волны, а густые живые изгороди и пышное убранство берёз и вязов казалось чем-то неуместным.

С лёгкой душой направился он к Дикому лесу, который вызывающе чернел впереди, словно риф посреди безмятежной глади южного моря.

Сначала Кроту было совсем не страшно. Трещали под его лапами сучья, когда он перебирался через стволы упавших деревьев, замёрзшие грибы на пнях казались забавными штукovinaми, и он порой даже вздрагивал, принимая их за что-то знакомое. Было весело и интересно. Так шёл он и шёл, но постепенно лес становился всё темнее и темнее, деревья подступали всё ближе и ближе, а звериные норки зияли вокруг словно беззубые пасти.

Вокруг стояла мёртвая тишина, и с необыкновенной быстротой его начала обступать темнота – свет уходил словно вода в песок.

Затем из кромешной тьмы стали появляться горящие как уголья глаза на страшных оскаленных мордах.

Ему показалось, что первую он увидел у себя за плечом – клинообразную злую, выглядывающую из норы. Когда Крот обернулся, морда исчезла.

Крот ускорил шаг, уговаривая себя не давать волю воображению, которое могло далеко его завести. Он прошёл одну нору, другую – и вот она, вот: маленькая

узкая мордочка с сердитыми глазками на мгновение сверкнула в норе и исчезла. Крот хотел было остановиться, но заставил себя идти дальше. И в каждой норе, а их тут были сотни, возникала чья-то морда, смотревшая на него со злобным оскалом.

«Надо просто поскорее уйти подальше от этих нор, – подумал Крот, – и морды исчезнут». Свернув с тропинки, он стал углубляться в чащу леса, когда раздался свист, негромкий и тонкий, где-то позади. В ужасе Крот ускорил шаг, однако почти сразу же точно такой же свист послышался впереди и заставил его остановиться и повернуть назад. Пока он топтался в нерешительности, свист раздавался уже с обеих сторон, отовсюду, буквально наполнив весь лес, до самых дальних уголков. Все вокруг, кто бы они ни были, насторожились и притихли, а бедный Крот был один, безоружный, вдали от всех, кто мог бы помочь, да ещё приближалась ночь.

И тут послышалось странное шуршание.

Поначалу Крот подумал, что так, почти бесшумно, с деревьев падают листья, однако звук нарастал и в нём уже можно было различить не что иное, как топот маленьких лап. Слышался он где-то вдалеке, но сзади или спереди – непонятно: вроде сзади. Или спереди? Кажется, отовсюду. Топот нарастал, множился. Крот, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, с тревогой вслушивался в странные звуки, раздававшиеся всё ближе и ближе. Пока он стоял так, обратившись в слух, прямо на него из-за деревьев вылетел Кролик. Крот думал, что он либо замедлит бег, либо свернёт в сторону, но не тут-то было: едва не сбив его с лап, зверёк промчался мимо, злобно сверкнул глазами и прошипел: «Убирайся отсюда, болван, подобру-поздорову!»

Топот все нарастал и, наконец, стал похож на удары дождевых капель по сухому ковру из листьев, расстеленному вокруг. Казалось, что весь лес теперь пришёл в движение, догоняя, преследуя, загоняя кого-то или что-то неведомое. Объятый ужасом, Крот тоже бросился бежать, сам не зная куда, и так бежал, спотыкался, падал, перепрыгивал через что-то, от чего-то увёртывался, пока, наконец, не забился в глубокое дупло в старой берёзе. Вроде есть крыша над головой, да и место укромное и, вероятно, безопасное... Выбившись из сил, Крот смог лишь зарыться поглубже в сухие листья, нападавшие в дупло, в надежде, что на какое-то время опасность миновала. Лёжа в дупле и пытаясь отдышаться, с замиранием сердца вслушиваясь в свист и топот снаружи, бедняга наконец понял, что ждало здесь маленьких обитателей полей и лугов, от чего Крыс

тщетно старался его уберечь, – ужас Дикого леса!

А в это время Крыс клевал носом у камина, в тепле и уюте. Тетрадь с незаконченными стихами соскользнула у него с колен, голова запрокинулась, рот открылся. Во сне он бродил по травянистым берегам сказочных рек. От треснувшего в камине уголька Крыс вздрогнул и проснулся. Взглянув на вспыхнувший язычок пламени и вспомнив, на чём его сморил сон, он поднял с пола листок со стихами, с минуту поразмышлял, но, так ничего и не придумав, принялся оглядываться в поисках Крота, который мог бы подсказать нужную рифму.

Однако приятеля рядом не было.

Некоторое время Крыс сидел, прислушиваясь: дом словно вымер, – затем, несколько раз окликнув Крота, но так и не получив ответа, встал и вышел в прихожую.

Шапочки Крота на привычном месте не было, галоши, которые всегда стояли возле стойки для зонтов, тоже отсутствовали.

Крыс вышел из дому и принялся тщательно осматривать грязную лужайку в надежде обнаружить следы друга. И они нашлись. Пупырышки на подошвах новых галош Крота, купленных к зиме, не успели стереться и отчётливо отпечатались в грязи. Следы вели напрямиком к Дикому лесу.

Помрачневший Крыс с минуту стоял, глубоко задумавшись, затем вернулся в дом, опоясался ремнём с парой пистолетов, прихватил увесистую дубинку, стоявшую в углу прихожей, и быстрым шагом двинулся вслед за другом.

Уже смеркалось, когда Крыс подошёл к опушке леса и отважно шагнул под кроны деревьев, озабоченно озираясь вокруг в поисках хоть каких-то следов приятеля. То тут, то там из норок высовывались злые мордочки, но тут же скрывались при виде отважного зверька с пистолетами за поясом и страшной дубиной в лапах. Свист и топот, преследовавшие его поначалу, стихли где-то вдали, и вокруг воцарилась мёртвая тишина. Крыс решительно прошагал через весь лес к его дальней опушке, затем двинулся в обратном направлении, уже не разбирая дороги, осматривая каждый куст и бодро выкрикивая:

- Крот, а Крот, ты где? Это я, старина Крыс!

Он терпеливо бродил по лесу больше часа, пока наконец, к великой своей радости, не услышал тоненький жалобный писк. Двигаясь в темноте на звук, Крыс оказался у ствола старой берёзы, из дупла которой раздался слабый голос:

- Крыс! Неужели это ты?

Крыс вполз в дупло и обнаружил там обессиленного и всё ещё дрожавшего от страха Крота.

- О, Крыс! - пропищал тот. - Как же я испугался - ты и представить себе не можешь!

- Почему же - представляю, и даже очень хорошо, - возразил Крыс. - Напрасно ты пошёл в лес, да ещё один. Ведь я, как мог, старался тебя предостеречь. Мы, береговые жители, предпочитаем здесь не появляться. Если уж другого выхода нет, то по крайней мере не ходим поодиночке, а хотя бы вдвоём. Кроме того, здесь много чего необходимо знать. Я имею в виду пароли, знаки, присловья, которые действуют в определённый момент, стихи, которые нужно повторять, уловки и трюки, которые следует использовать. Ещё в кармане должны лежать некоторые растения. Всё это несложно, но знать необходимо, если ты маленький или попал в беду. Вот если бы на твоём месте оказался Барсук или Выдр, тогда другое дело.

- Наверняка храбрый мистер Жаб не испугался бы прийти сюда, - предположил Крот.

– Старина Жаб? – Крыс от души расхохотался. – Да он и носа не сунет в лес в одиночку, хоть ты его озолоти. Никогда в жизни.

Крота подбодрил беззаботный смех Крыса, а также вид дубинки и блестящих пистолетов, он перестал дрожать и стал понемногу приходить в себя.

– А сейчас, – помолчав, продолжил Крыс, – нам нужно собраться с силами и идти домой, пока ещё хоть что-то видно. Ты понимаешь, что оставаться на ночь здесь нельзя: слишком холодно.

– Дорогой Крыс, – взмолился бедный Крот, – прости, но я очень устал. Давай побудем здесь ещё чуть-чуть. Мне нужно набраться сил, чтобы дойти до дома.

– Хорошо, – согласился добродушный Крыс. – Тем более что всё равно уже стемнело, а луны пока нет.

Крот устроился поудобнее в сухой листве, вытянул лапки и тотчас забылся тревожным сном, а Крыс набросал на себя листьев для тепла, улёгся и принялся терпеливо ждать, сжимая в лапах пистолеты.

Когда наконец Крот проснулся, отдохнувший, в хорошем расположении духа, Крыс сказал:

– Надо выглянуть наружу и, если всё спокойно, отправляться поскорее восвояси.

Крыс высунул голову из дупла, и до Крота донеслось:

– Ого-го. Вот тебе и раз!..

– Что случилось?

– Случился снег, – коротко ответил Крыс. – Вернее, снегопад, и неслабый.

Крот, тоже выглянув наружу, увидел, что лес, казавшийся совсем недавно таким зловещим, совершенно преобразился. Норы, дупла, лужи, ямы и прочие тёмные препятствия, угрожавшие путнику, на глазах исчезали под блестящим снежным ковром, который было жаль пачкать грязными подошвами. В воздухе порхали красивые снежинки, легонько покалывая щёки, а тёмные стволы деревьев выглядели так, словно подсвечивались снизу.

– Что ж, ничего не поделаешь, – произнёс Крыс после некоторого раздумья. – Всё равно нужно отправляться, а там – будь что будет. Плохо, что я представления не имею, где мы сейчас находимся: под снегом всё изменилось до неузнаваемости.

Кроту тоже казалось, что это совершенно другой лес, но делать нечего: друзья храбро отправились в путь, выбрав направление, которое обоим представлялось наиболее верным. Шагая бок о бок, они с энтузиазмом притворились, что узнают по неким приметам то дерево, мрачно и молчаливо взиравшее на них, то «ту самую» поляну, просеку или тропинку, где нужно сворачивать, посреди монотонного заснеженного пространства.

Спустя час, а может два – друзья потеряли счёт времени, – отчаявшиеся, уставшие, безнадежно заблудившиеся, они уселись на поваленное дерево перевести дух и решить, что делать дальше. Лапки у них ныли от усталости, болела, казалось, каждая косточка. Они несколько раз проваливались в ямы и вымокли насквозь. Снега навалило уже столько, что пробираться стало почти невозможно, а деревья между тем будто смыкались вокруг них и всё больше походили на братьев-близнецов. Казалось, что у леса нет ни начала, ни конца и, что хуже всего, отсюда нет выхода.

– Нечего тут рассиживаться, – пробурчал Крыс. – Давай всё же попытаемся отыскать дорогу. Ужасно холодно, да и снег идёт не переставая. Скоро столько навалит, что идти будет невозможно.

Приятель молчал, совсем отчаявшись и пав духом, поэтому Крыс заговорил снова:

– Знаешь, что мне пришло в голову? Там, впереди, похоже, какая-то лощина, где земля неровная и бугристая. Можно поискать там убежище: пещеру или нору, – где сухо и куда не попадает снег и не задувает ветер. Передохнём, а потом снова попытаемся отыскать дорогу, а то мы оба совершенно вымотались. Глядишь, снег перестанет или ещё что-нибудь произойдёт.

Они опять поднялись на лапы и побрели в лощину в поисках сухого укрытия, которое защитило бы от пронизывающего ветра и метели. Друзья ползали среди кочек, как вдруг Крот споткнулся и с криком упал мордочкой вперёд. С трудом выбравшись из сугроба, он уселся на снег, обхватил заднюю лапу двумя передними и принялся причитать:

– О, моя лапа! Наверное, я её сломал...

– Ах ты, бедняга! – всполошился Крыс. – Похоже, сегодня не твой день. Давай посмотрим, что там у тебя.

Опустившись на колени, он осторожно ощупал Крота и констатировал:

– Ты порезался. У меня есть носовой платок, сейчас перевяжу.

– Должно быть, я поранился о скрытую под снегом ветку или пень, – грустно заключил Крот. – О господи!

– Нет, это вряд ли: слишком уж ровный порез, – заметил Крыс, внимательно осматривая лапу. – Об ветку или пень так не поранишься. Скорее всего это было что-то железное. Странно!

Он задумался, а затем принялся осматривать кочки вокруг.

– Да какая разница, обо что я порезался! – воскликнул несчастный Крот. – Болеть-то меньше не будет.

Однако Крыс, аккуратно перевязав другу лапу, принялся рыться в снегу всеми четырьмя лапами. Крот же нетерпеливо взирал на его работу, время от времени взывая:

- Ну ладно уже, Крыс! Может, хватит?

Наконец раздался победный крик, и Крыс пустился в пляс.

- Что ты там нашёл, Крыс? - поинтересовался Крот, осторожно придерживая пораненную лапу.

- Иди сюда и посмотри сам, - предложил Крыс, страшно довольный.

Крот доковылял до ямы и, внимательно рассмотрев находку, в некотором недоумении изрёк:

- Ну и что тут такого? Я такие штуковины и раньше видел много раз. Вспомнил: она называется «дверная скоба»! Ничего особенного! С чего это ты пустился в пляс?

- А ты не понимаешь, что это значит, глупое животное? - в негодовании воскликнул Крыс.

- А что тут понимать? - удивился Крот. - Просто-напросто кто-то по легкомыслию и забывчивости оставил дверную скобу посреди Дикого леса, а я о неё споткнулся. Весьма неосмотрительно с его стороны. Когда отсюда выберусь, обязательно выясню, кто это сделал, и пожалуюсь кому следует. Я это так не оставлю!

- О господи боже мой! - в отчаянии от бестолковости друга едва не взвыл Крыс. - Хватит пререкаться, давай копать!

Он вновь принялся за работу, да так, что снег полетел во все стороны, и через некоторое время его усилия были вознаграждены: взору друзей предстал сильно потрепанный коврик для ног.

- Ну, что я тебе говорил! - торжествуя, воскликнул Крыс.

- Да, собственно, ничего, - пожал плечами Крот. - Судя по всему, ты нашёл ещё один предмет домашней утвари, до такой степени изношенный, что его выбросили, и это сделало тебя совершенно счастливым. Если хочешь, спляши

вокруг него, и давай уже заканчивать с этим. Может, продолжим путь и не будем тратить время на всякую ерунду? Какая польза от этого коврика? Под ним можно спать? Или на нём, как на санках, мы доберёмся до дома, несносный ты грызун?

– Тебе действительно этот коврик ни о чём не говорит? – не выдержав, выкрикнул Крыс.

– Знаешь, довольно валять дурака, – не скрывая раздражения, парировал Крот. – Где это видано, чтобы коврик кому-то что-то сказал? Коврики этого не умеют, они по другой части: каждый знает своё место.

– Слушай, ты, тупоголовое создание! – вышел из себя Крыс. – Раз не способен соображать, просто копай молча. Это наш последний шанс не замёрзнуть до смерти!

Крыс набросился на очередную снежную горку, вонзая в неё свою дубинку и яростно работая лапами. Крот тоже нехотя принялся рыться в снегу, но, по правде сказать, скорее для того, чтобы угодить Крысу, за голову которого всерьёз начал опасаться.

Минут через десять дубинка Крыса обо что-то ударилась. Крыс ещё немного покопался в снегу, потом позвал на помощь Крота, и приятели принялись энергично раскапывать снег вдвоём, пока перед удивлённым Кротом не предстал результат их работы.

В сугробе обнаружилась небольшая дверца тёмно-зелёного цвета, сбоку которой свисал колокольчик, а под ним красовалась медная табличка с выбитой большими буквами надписью, которую друзья легко смогли прочесть при свете луны: «мистер Барсук».

Удивлённый и обрадованный, Крот рухнул в снег и принялся – в раскаянии тараторить:

– Крыс! Ты просто гений! Как всё сложил кирпичик к кирпичику в своей мудрой голове. Стоило взглянуть на рану, и сразу же ты сделал правильный вывод: дверная скоба, – а затем нашёл эту самую скобу. И здесь бы остановиться, но нет: тебя это не удовлетворило, твой ум продолжал работать. «Если есть скоба –

значит, должна быть и дверь, а перед ней – коврик, – сказал ты себе. – И его нужно найти!» И разумеется, нашёл: ведь ты такой умный. Раньше я о таких способностях только в книжках читал.

Тебе нужно туда, где твой талант оценят по достоинству, а ты пропадаешь здесь, с нами. Имей я такую голову, как у тебя, Крыс...

– Если не имеешь, – перебил его Крыс сердито, – то, наверное, собираешься всю ночь сидеть в снегу и болтать. Давай поднимайся и дёргай что есть сил за верёвку звонка, а я буду стучать!

Крыс принялся колотить в дверь дубинкой, а Крот, схватившись за верёвку звонка и повиснув на ней, раскачиваться. Прошло немало времени, прежде чем приятели услышали, как где-то в глубине им ответили.

Глава 4

Мистер барсук

Друзьям показалось, что целую вечность они терпеливо ждали, притоптывая замёрзшими лапами и пытаясь согреться. Наконец послышались шаркающие шаги, приближавшиеся к двери: похоже, хозяин надел стоптанные шлёпанцы, которые к тому же были ему велики. Проницательный Крот высказал это предположение вслух, и именно так и оказалось.

Послышался звук отодвигаемого засова, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы они смогли увидеть длинную мордочку и заспанные глазки.

– А в следующий раз, когда случится нечто подобное, – недовольно произнёс хриплый голос за дверью, – я страшно рассержусь. Кто же на этот раз осмелился побеспокоить меня в такую ночь? Отвечайте!

– О, Барсук, – воскликнул Крыс, – пожалуйста,пусти нас! Это я со своим другом Кротом. Мы заблудились в этот снегопад.

– Крыс, мой дорогой малыш! – обрадовался Барсук. – Входите же скорее. Вы, должно быть, ооченели. Подумать только! Заблудились в Диком лесу, да притом ночью! Входите, входите.

Друзья ввалились в дом, наконец-то оказавшись в тепле, и с радостью услышали, как захлопнулась за ними дверь.

Барсук, в длинном домашнем халате и стоптанных шлёпанцах, с плоской свечой в лапе, вероятно, уже собирался лечь спать, когда раздался стук в дверь.

– В такую ночь маленьким зверькам нужно сидеть дома, – по-отечески пожурил он гостей. – Боюсь, ты опять что-то затеял, Крыс. Ну ладно, проходите в кухню: там огонь, ужин и всё такое.

Он шаркал впереди, а оба зверька, возбуждённо подталкивая друг друга локтями, следовали за ним по бесконечному, мрачному и, честно говоря, довольно обшарпанному коридору по направлению к центральному залу, от которого отходили едва видимые в полутьме длинные таинственные туннели и боковые проходы. Не доходя до зала, Барсук распахнул одну из массивных дубовых дверей, и гости оказались в ярко освещённой натопленной кухне.

Пол здесь был выложен стёршимся от времени кирпичом, в камине горели дрова, а по бокам от него, в стене, скрытые от сквозняков, располагались два

места для сидения. Ещё две скамьи с высокими спинками стояли у камина – одна напротив другой, – явно для любителей дружеской беседы. Всю середину помещения занимал стол из голых досок, положенных на козлы, с лавками по бокам. На одном конце стола, где стоял отодвинутый стул, лежали остатки простого, но обильного ужина. Ряды тарелок сверкали чистотой с полок шкафа, с потолочных балок свисали окорока, пучки засушенных трав, сетки с луком и корзинки с яйцами. Пожалуй, воины могли бы отпраздновать здесь свою победу; жнецы, усевшись рядами на лавки, весело, с песнями, отметить праздник урожая, а два-три непритязательных товарища – приятно провести время за ужином и спокойной беседой. Краснокирпичный пол улыбался закопчённому потолку, дубовые скамьи, отполированные до блеска за многие годы, обменивались весёлыми взглядами, тарелки в шкафу подмигивали горшкам на полке, и на всём этом играли весёлые отблески тёплого огня.

Добрый Барсук усадил гостей перед очагом сушиться, заставив снять мокрую одежду и обувь и облачиться в халаты и шлёпанцы, после чего промыл рану Крота тёплой водой и заклеил пластырем, так что лапка стала как новая, если не лучше. Обсохнув и согревшись, вытянув усталые лапки, под звон расставляемых на столе тарелок друзья чувствовали себя потерпевшими кораблекрушение мореплавателями, которые оказались наконец в безопасной бухте.

Скоро Барсук пригласил гостей к столу, который был накрыт заново. Друзья хоть и проголодались изрядно, но, увидев всё, что находилось на столе, лишь задались вопросом, с чего начать: так аппетитно всё выглядело, – и смогут ли попробовать все блюда. Долгое время разговор был невозможен, но когда всё же постепенно завязался, то оказался одной из тех достойных сожаления бесед, которые ведутся с набитыми ртами. Барсук не обращал на это никакого внимания, как, впрочем, и на локти на столе, и на то, что гости говорили одновременно. Не будучи любителем светского общества он считал всё это сущими пустяками. (Мы, разумеется, понимаем, что он не прав и грешит узким взглядом на вещи, которые всё-таки имеют немалое значение, хотя очень долго объяснять почему.) Он сидел в кресле во главе стола и время от времени с серьёзным видом кивал зверькам, пока они излагали свою историю, однако не казался ни удивлённым, ни возмущённым и уж тем более не вставлял «а что я говорил» или «ведь я же предупреждал» и не поучал, что делать следовало, а

чего не следовало. Крот начал проникаться к нему дружеской симпатией.

Когда с ужином было покончено и животики стали плотными, как барабаны, а все тревожления улеглись и никто и ничто зверькам больше не угрожало, они придвинулись поближе к очагу, где тлели угли, ощутив, как весело бодрствовать в столь поздний час сытым и в полной безопасности. Когда общие разговоры иссякли, Барсук с воодушевлением произнёс:

– А теперь расскажите-ка, друзья, что нового у вас на реке? Как поживает старина Жаб?

– Чем дальше, тем хуже, – ответил Крыс, а Крот, сидевший со сложенными на затылке лапами, тотчас сделал скорбную мордочку. – На прошлой неделе очередная авария, и какая! Дело в том, что он непременно хочет водить сам, не имея к этому никаких способностей. Ему бы нанять опытного шофёра, тем более что денег на хорошее жалованье у Жаба хватает, и всё было бы в порядке. Да где там! Наш Жаб считает себя прирождённым водителем, которому даже учиться незачем. Отсюда все неприятности!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Английская монета. – Здесь и далее прим. ред.

2

Наклонная платформа, предназначенная для ремонта и спуска судов на воду.

3

Старинный французский танец, первоначально – народный хороводный.

Купить: https://tellnovel.com/grem_kennet/veter-v-ivah

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)